

БЕСЕДЫ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

Я приехал к Федору Александровичу в Дом творчества, в Комарово, где он укрывается от городской суеты (и от нас, газетчиков), и застал его за упаковкой пишущей машинки, оставшихся запасов неиспользованной бумаги. «Пряслины» в потерятой типографской обложке и рукопись нового романа лежали на столе рядом. Естественно, что и темой нашего разговора стал этот новородившийся, имя которому...

— Федор Александрович, приступая к работе над новым романом, вы, помнится, сказали так: «Займусь строительством «Дома». Удержалось ли это название? Не возникло ли желание по-другому «окрестить» книгу?

— Да, роман называется «Дом». Это, пожалуй, единственное название из трех книг, которое родилось сразу да так и осталось неизменным. «Дом» завершает трилогию «Пряслины», и теперь все четыре книги составляют цикл, который будет называться по первой книге — «Братья и сестры». Думаю, это название точнее других выражает дух и смысл тетралогии.

— В последней книге «Пряслиных» вы и мы, читатели, распрощались с ее героями, вступившими в шестой-седьмой послевоенный год. В каком же возрасте они явятся нам в новом произведении? И с кем из старых

В 1974 году впервые отдельным изданием вышла трилогия Ф. Абрамова «Пряслины» («Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Пути-перелутья»), удостоенная Государственной премии СССР. Это большое эпическое произведение, повествующее о русской деревне трудных лет военной и послевоенной поры, получило высокую оценку критики и читателей. Полностью и отдельными книгами «Пряслины» неоднократно издавались у нас и за рубежом.

В многочисленных письмах и Ф. Абрамову читатели выражали надежду на новую встречу с героями полюбившейся трилогии. И вот работа над четвертой книгой завершена. Написана (а точнее, в который уж раз переписана) последняя страница.

Федор АБРАМОВ:

ДОМ И ЕГО ХОЗЯЕВА

знакомых мы встретимся снова?

— События в романе разворачиваются в 70-е годы. Так что ранее известные читателю герои повзрослели на двадцать с лишним лет. Это и те же люди, и не те. Много изменилось в их судьбах: кто стал мудрее, совестливее, лучше, чем был, шире душой, скромнее в словах. Кто, наоборот, потускнел, сломался, не выдержал жизненных испытаний.

Главные жители «Дома» по-прежнему Пряслины — Михаил и Лиза, их младшие братья-близнецы Петр и Григорий, уже повзрослевшие, сами вступившие в пору зрелости. Завершаются в романе и судьбы других героев — Анфисы Петровны, Лукашина, Подрезова, Петра Житова, Евсея Мошкина, Егорши Суханова. Конечно, за двадцать лет в Пекашине выросла смена, всколосилось новое поколение, которому

открываются иные дали. И здесь же, в Пекашине, доживают свой век зачинатели нашей советской нови, герои гражданской войны и первых пятилеток — Калина Иванович Дунаев и его жена Евдокия. Словом, люди и время, время и люди — вот что меня особенно волнует как писателя.

— В этом завершающем тетралогию романе?

— Не только в этом. Я всегда стремился и стремлюсь увидеть в живом конкретном человеке явные и скрытые приметы времени, эпохи.

— В «Пряслиных» один из героев — Подрезов — с горечью говорит, что он знает всего один мотор, «да и тот на четырех копытах и с хвостом заводится». В выступлении же на последнем писательском съезде вы назвали главной фигурой сегодняшней деревни механизатора. Какое отражение нашли в «Доме» эти огромные перемены?

— Сейчас много говорят и пишут об НТР. Это стало ка-

ким-то глобальным штампом. С другой стороны, модным стало звать и о помощи: «Караул, спасите! Техника, машины губят все живое». Справедливо ли это? Конечно же, нет. Технический прогресс шествует ныне по разбитым проселкам и заросшим сурепицей полям. По бедным на урожаи суглинкам и подзолам Нечерноземья. Спасаться надо не от

НТР, не от техники, а от чиновника и работяги с куриным оглядом, людей, равнодушных и к машинам, и к земле, от тех, кто способен загубить и то, и другое. В этом смысле вопрос о хозяйне облик нерасторжимо связан в романе с проблемами технической перестройки села.

— В одном интервью, отвечая на вопрос о собственной оценке написанных вами книг, вы сказали, что обычно вас устраивают лишь отдельные главы и страницы. И выразили заветную мечту — написать книгу, которая понравилась бы вам от корки до корки. Что вы скажете о «Доме»?

— Я доволен уже тем, что «Дом» построен. Завершена работа пяти-шести лет. И мне хотелось бы, чтобы у него была счастливая судьба. А оценить сейчас книгу... Ну как это можно?! Ведь только что сняты строительные леса, и автор, как говорится, еще весь в строительной лихорад-

ке, не оглядел «Дом» со стороны.

— События в «Доме», как и во всех других ваших книгах, разворачиваются в вашем родном краю, на Пинеге...

— К Пинежью я действительно очень привязан. Бываю там каждый год. Это земля, возрадившая меня и как человека, и как писателя, земля, которая каждый раз наполняет мой колодец живой водой, живым словом, гозорей, как говорят у нас.

Но это не значит, что я сиднем сижу на своей Пинеге. Езжу довольно много и по нашей стране, и немало бываю за рубежом. В прошлом году, например, побывал в Финляндии, ГДР, США.

— И как эти поездки отразились на творчестве?

— Во время поездок, конечно, романы не пишутся да и после них не сразу входил в рабочую колею. Ну, а если говорить серьезно, писателю необходимо ездить в чужие края. Новые страны, новые люди. Да и на свою страну не повредит глянуть на расстоянии.

Я благодарю Федора Александровича за интервью. Мы не прощаемся — вместе едем в Ленинград. Федор Александрович с деревенской неторопливостью оглядывает комнату, распаковывает форточку в силь мартовского вечера. А потом уже с порога возвращается к письменному столу, выкладывает из портфеля пакет писчей бумаги.

— Через недельку вернусь. «Мамониха» на привязи держит. Новая повесть.

Беседу вел
Е. ВИСТУНОВ

«Лит. газета», 1978, 22 мая